

К 160-ЛЕТИЮ
РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

160TH ANNIVERSARY
OF RUSSIAN MUSICAL SOCIETY

Е. М. Шабшаевич

**Дирекция Московского отделения
Императорского Русского музыкального общества
ангажирует Пабло Казальса (1910–1911)**

Аннотация

Статья посвящена одной из малоизвестных страниц истории русского концертного менеджмента. На основании архивных материалов в ней прослеживаются детали устройства гастролей знаменитого испанского виолончелиста Пабло Казальса в России в 1910–1911 годах.

Ключевые слова: Императорское Русское музыкальное общество, концертная жизнь, Пабло Казальс, Юрий Померанцев, Александр Зилоти, Альфред Корто.

Е. М. Shabshayevich

**Moscow directorate of the Imperial Russian Musical Society
engages Pablo Casals (1910–1911)**

Summary

The article is based on documents that shed light on the history of the engagement of the Spanish cellist Pablo Casals in Russia in the years 1910–1911. The beginning of the article briefly outlines the musical and historical context of these tours. The considerable intensification of the musical life in Moscow, the strengthening of Russian-European contacts led to the complication of relations between the leading concert and philharmonic institutions. Based on the correspondence of Casals and one of the directors of the Moscow branch of the Imperial Russian Music Society Y. N. Pomerantsev, as well as letters received by the Directorate of the Moscow Department from the Moscow Philharmonic Society and from A. I. Ziloti, the picture of the negotiations is clarified. In conclusion, the need for research of the history of Russian philharmonic practice from the point of view of the development of concert management is addressed.

Keywords: Imperial Russian Musical Society, concert life, Pablo Casals, Yuri Pomerantsev, Alexander Ziloti, Alfred Korto/Cortot.

Статья посвящена одному из значимых эпизодов русской, в частности московской, концертной жизни первых десятилетий XX века — гастролем выдающегося испанского виолончелиста Пабло Казальса в 1910–1911 годах. В ней акцентирован не столько творческий, сколько организационный аспект его выступлений, а именно попытка взаимодействия филармонических организаций двух русских столиц: Московского отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), Московского филармонического общества (МФО), «Концертов Зилоти». Рассогласованность их действий привела к неприятным для публики последствиям: в этом сезоне Казальс не выступил в симфоническом собрании Московской дирекции ИРМО, и московские любители музыки не смогли лишний раз насладиться его прекрасной игрой. Но «казус Казальса» выходит за рамки частного случая: он показателен для нового состояния концертного дела в России и может рассматриваться как один из маркеров его зрелости. «Полигоном» исследования по ряду причин, о которых будет сказано ниже, выбрана Москва.

Начиная с 1890-х годов в отечественном музыкальном процессе произошли существенные изменения к лучшему: значительно расширилось концертное пространство русских столиц, обогатилась концертная афиша — у публики появился выбор между предлагаемыми ей музыкальными событиями. Интенсифицировался и артистический обмен между Россией и Западом. Одновременно обострилась конкуренция за каждого знаменитого артиста, приглашение которого было верным способом привлечь в зал слушателей. Для Москвы, которая по своему географическому положению находилась несколько сбоку от магистральных европейских гастрольных маршрутов, ангажемент с прославленным музыкантом был вдвойне сложен. В силу устройства железнодорожной сети путь из Западной Европы в Россию почти

всегда лежал через Петербург. Импресарио предпочитали так организовывать гастроли, чтобы артист мог после Петербурга заехать в Москву, а потом, если ему позволял гастрольный график, отправиться в гостеприимные южные города Российской империи — Киев, Одессу. Но в напряжённом расписании знаменитостей часто такой возможности не было. В любом случае Москва неизбежно должна была в этом отношении считаться с Петербургом и долгое время проигрывала ему в количестве и качестве иностранных звёзд.

Однако музыкальная жизнь Москвы Серебряного века находится на подъёме и по некоторым параметрам даже начинает опережать петербургскую. Наладилась концертная инфраструктура, увеличилось количество концертных залов (в том числе появились превосходящие Малый и Большой зал консерватории), сформировалась традиция музыкальной критики. Качественно вырос уровень концертов за счёт прекрасной работы консерватории, регулярно выпускавшей профессиональных музыкантов и подготовленных слушателей. Но также это ускорение было связано с конкуренцией Московского отделения Русского музыкального общества с Московским филармоническим обществом. МФО делало ставки на зарубежных артистов, преимущественно вокалистов, потому что, во-первых, не ставило перед собой таких глобальных музыкально-просветительских задач, как РМО, и, во-вторых, финансовая успешность МФО в отсутствие материальной поддержки от императорской фамилии (которой, напомним, обладали отделения РМО и его консерватории) напрямую зависела от концертных сборов. В последующие годы курс МФО на приглашение зарубежных звёзд не только не изменился, но ещё и усилился, за что его критиковала передовая музыкальная общественность. В начале XX века дирижёром и художественным руководителем МФО стал А. И. Зилоти, музыкант с мировой славой, имя которого привлекало зарубежных исполнителей, со

многими из которых он был связан личной дружбой. Руководство Зилоти этим Обществом длилось недолго — с 1903 года из-за конфликта с руководством Общества он отказывается от постоянного дирижирования концертами МФО и учреждает в Петербурге концертную организацию под названием «Концерты Зилоти» — но, как утверждает в своём диссертационном исследовании Е. Г. Мальцева, через несколько лет, видя успех петербургских «Концертов Зилоти», МФО заключило с ним договор о том, что приглашённые им в столицу солисты и дирижёры будут принимать участие в концертах МФО [4. С. 205]. Петербургские «Концерты Зилоти», с их продуманной просветительской направленностью и созвездием ярких исполнительских имён [обзор программ см.: 2; 4] также представляли большую конкуренцию для Московского отделения. На поле московской филармонической жизни первых десятилетий XX века действовали ещё «Концерты Кусевицкого». Всё это побуждало руководство ИРМО принимать соответствующие меры по повышению конкурентоспособности их концертов, в том числе и за счёт приглашения знаменитых иностранных артистов.

На вызов времени адекватно ответил сначала директор Московской консерватории и по должности руководитель симфонических собраний Московского отделения (далее — МО) ИРМО Василий Ильич Сафонов (с 1892 по 1905 год)¹, а после — М. М. Ипполитов-Иванов. Ему активно помогали члены Дирекции.

Одним из членов Дирекции Московского отделения, которые были вовлечены в деятельность по устройству концертов, был дирижёр, пианист, композитор, общественный деятель Юрий Николаевич Померанцев (1878–1933)². Он был также секретарём Московского отделения (до 1914 года) и по должности вёл переписку с зарубежными музыкантами, которых ИРМО ангажировало для выступлений в Москве. Именно ему от имени Московской дирекции было суждено вступить с Пабло Казальсом в деловые отношения по организации его гастролей, о чём свидетельствуют сохранившиеся в

фонде ИРМО в Российском национальном музее музыки (РНММ) письма Казальса к Померанцеву (на фр. яз.)³. Данная статья не ставит задачу публикации всей переписки: приводятся лишь «избранные места», по которым можно проследить важные детали переговоров. Также привлекается ряд других рукописных материалов из того же источника.

Пабло Казальс был хорошо знаком русской публике, потому что регулярно бывал в обеих столицах, начиная с 1905 года. Впервые он выступил в России в «Концертах Зилоти» и впоследствии ежегодно до 1910 года он участвовал почти исключительно в концертах, которые организовывал Зилоти: или в концерте МФО, которым он руководил, или в абонементных, или симфонических, или камерных концертах Зилоти, или в концертах с участием Зилоти. С Зилоти их связывала искренняя дружба.

Вот что писал Казальс о своём первом пребывании в Петербурге в 1905 году: «Зилоти принял меня как нельзя более радушно... Он настоял, чтобы я остановился у него в доме — дом у него был прелестный, с великолепной музыкальной библиотекой и стоял у самой Невы. <...> Зилоти спросил, не соглашусь ли я сыграть с ним... Я с готовностью принял это предложение. Концерт проходил в весьма драматической обстановке: из-за всеобщей стачки в городе не было электричества, и в зале горели свечи. А публика откликнулась сердцем на каждый звук.

Я пробыл в Санкт-Петербурге недели три, кажется, и вместе с Зилоти дал ряд концертов. Тревожным, грозным настроением был охвачен этот город. Ночами в тишину то и дело врывались звуки канонады. Чувствовалось, что в любую минуту может случиться что угодно. За Невой не утихали волнения, и я сказал Зилоти, что хочу пойти поглядеть, что там происходит. Он ответил: „Не делайте глупостей. Вы что, хотите, чтобы вас подстрелили?“

Но однажды вечером после концерта он всё-таки уступил, наконец. Мы сели на извозчика и по одному из мостов, перекинутых че-

рез Неву, переехали на ту сторону. Где-то поблизости слышались выстрелы. Вдруг из-за угла, размахивая флагом, выбежал человек. Пробегая мимо нас, он что-то неистово прокричал по-русски. Я попросил Зилоти перевести. — Он крикнул: „Да здравствует царская республика!“ — сказал Зилоти. Да, и такое творилось тогда подчас в головах у людей!» [6. С. 93].

В декабре 1908 года Казальс принял участие в концерте МО ИРМО. В квартетном собрании он играл Виолончельную сюиту *C-dur* Баха. Очевидный успех побудил руководство Московского отделения ИРМО искать новых договорённостей с Казальсом, некоторые из которых, очевидно, проходили при посредничестве Зилоти. Во всяком случае среди писем Зилоти в Дирекцию МО ИРМО в 1909 году имя Казальса упоминается. Зилоти сначала рекомендует пригласить Казальса на 7 ноября⁴, а потом, в связи с тем, что Казальс в ноябре не сможет приехать, — на январь, предположительно 2-го, при этом оговаривая, что параллельно оставляет за собой право задействовать артиста в одном из своих камерных вечеров⁵; в конце концов, в письме от 4/17 июня 1909 года⁶ Зилоти пишет: «Сегодня мне Казальс писал, что он у меня будет 6 января, и что вы ему хлопчете устройство ангажементов; имейте в виду, 6 января в Питере за мной (в другом [случае?]) он не станет играть».

2/15 января 1910 года Казальс с большим успехом выступил в Москве в 7-м симфоническом собрании МО ИРМО. На сей раз подробности соглашений виолончелиста с Дирекцией документально зафиксированы. Программу Казальс предложил в письме Померанцеву как секретарю МО ИРМО от 15 декабря 1909 года (по новому стилю): 1-е отделение — *Концерт* Гайдна, 2-е отделение — *Elegie, Papillon* Форе, *Allegro appassionato* Сен-Санса или *Kol Nidre* («который был особенно востребован в последний раз в Москве», — пишет Казальс)⁷. В действительности в концерте прозвучали в его исполнении с участием оркестра под управлением Э. А. Купера Концерт Й. Гайдна, Элегия Г. Форе, «*Allegro appassionato*» К. Сен-Сан-

са, а соло — виолончельные пьесы И. С. Баха, Л. Боккерини, К. Сен-Санса [3].

Приведём несколько отзывов прессы об этом концерте: «Солировал дивный П. Казальс, очаровавший поэтичной передачей виолончельного концерта Гайдна, Элегии Форе и Аллегро appassionато Сен-Санса. На этот раз г. Казальс окончательно расшевелил сдержанную публику симфонических собраний, и она заставила его играть много на бис (Бах, Сен-Санс и Боккерини)»⁸.

«Солистом был П. Казальс, великолепный виолончелист с необычной техникой и громадной силой музыкального выражения»⁹.

«Что за чудный виолончелист! Можно сказать — король виолончелистов! Слушать его — одно наслаждение, чистое, ничем не омрачённое. Техника исполнения артиста до того совершенна, до того подчинена духу, что её точно нет, и вы о ней забываете. Виолончель Казальса звучит воздушно, как флейта, пламенно, как скрипка, массивно, как орган; она заливается всеми человеческими голосами и всё-таки сохраняет одну ей свойственную нематериальность [так в оригинале. — *Е. III.*] звука. Концерт *D-dur* Гайдна под руками артиста превратился в цепь жемчужин, одна другой ярче, пламеннее, восхитительнее. Эта старинная музыка прелестна сама по себе, но кто другой сумел бы так живо воскресить всё её бывшее очарование, так одухотворить её всю вплоть до старомодно-формальных „привесок“, приобретших у Казальса не меньшую художественную значительность, чем всё остальное! А как восхитительно исполнены были Элегия Форе, Аллегро appassionато Сен-Санса и сверх программы Бах, *Le Cygne* [Лебедь] Сен-Санса, Соната Боккерини! <...> Из переписки А. Рубинштейна с Листом мне помнится фраза: „Виртуозы тоже нужны, без них искусство не могло бы двигаться вперёд“. И Казальс один из таких великих художников-виртуозов,двигающих искусство вперёд»¹⁰.

Также в этот приезд в Россию Казальс, как это и было договорено, играл в Петербурге 6 января в Экстренном камерном концерте А. И. Зилоти (Виолончельная соната *c-moll*

К. Сен-Санса, Виолончельная сюита *c-moll* И. С. Баха, Виолончельная соната *g-moll* Ф. Шопена) и 9 января в Пятом абонементном концерте А. И. Зилоти (Виолончельный концерт Р. Шумана (орк. п/у С.Н. Василенко), две виолончельные пьесы А. К. Глазунова (в том числе «Испанская серенада») (все даты по старому стилю) [3].

После столь очевидного триумфа сотрудничество было решено продолжить. Померанцев от имени МО ИРМО ведёт переговоры с Казальсом об участии в одном симфоническом и одном камерном концерте на сезон 1910/11 года. В ответном письме от 11 февраля 1910 года по новому стилю Казальс обговаривает гонорар: 1200 рублей за симфонический, 800 рублей за камерный концерт¹¹ — это довольно большие суммы, что вполне объяснимо, учитывая звёздный статус Казальса.

Казальс также любезно благодарит Померанцева за его визит в гостиницу, когда он «был совершеннейшей развалиной» из-за перенесённого ещё в Петербурге гриппа¹². Вообще, надо сказать, что в письмах всех корреспондентов, адресованных Померанцеву, которые мне удалось прочитать, высказываются исключительно любезные слова ему лично, невзирая на то, как складывается деловая часть отношений.

В этом же письме 11 февраля Казальс обговаривает предполагаемые даты: 17 декабря в Москве, 25 декабря (все — по новому стилю) в Петербурге и приписывает такую фразу: «Согласование с Зилоти не представит трудности»¹³. Речь идёт о параллельном участии Казальса в концертах Зилоти (один камерный вечер в Москве и два камерных в Петербурге). Но оказалось, что не всё так просто...

18 февраля (по новому стилю) Казальс ещё раз обращает внимание Померанцева на это обстоятельство: «Если Вы не согласовали это с Зилоти, то я не могу ехать только в Москву»¹⁴. Ещё неделю Казальс медлит с решением, потому что ждёт ответа от Зилоти¹⁵. И наконец 6 марта он шлёт краткую телеграмму: «Не могу принять ангажемент»¹⁶, а 19 марта — подробное письмо с извинениями. В нём Казальс

выражает сожаление, что между МО ИРМО и Зилоти существуют столь сильные разногласия и просит извинения за то, что отказывается от приглашения, — поскольку связан с Зилоти не только дружбой, но и обязательствами¹⁷.

Не следует думать, что в МО ИРМО не пытались решить проблему. Выступление Казальса поздней осенью 1910 года именно в собраниях РМО представлялось руководству стратегически важным. Ведь в то время праздновался 50-летний юбилей Московского отделения: 26 ноября состоялся концерт памяти Н. Г. Рубинштейна в Большом зале консерватории, 27 ноября и 11 декабря (всё — по старому стилю) — 4-е и 5-е симфонические собрания [3]. Видимо, Дирекция МО РМО планировала именно эти дни для выступления Казальса в своих концертах. Были ли попытки согласовать даты непосредственно с Зилоти, мы не знаем, так как переписка за это время не сохранилась. Но, по имеющимся в нашем распоряжении документам, в течение февраля 1910-го состоялся обмен письмами между секретариатом МО ИРМО и МФО. Вначале в ответ на поступившую просьбу МО ИРМО уступить даты концертов 27 ноября и 11 декабря (по старому стилю) секретарь МФО Ю. Осберг предварительно отвечает отказом, но оговаривает, что окончательное решение будет принято на заседании Правления.

«1910, 16 февраля

МФО, М., М. Кисловка, дом Солдатенкова
Милостивый государь!

В ответ на Ваше письмо от 17-го с/м [данное письмо в архиве РНММ не сохранилось. — Е. Ш.] на имя нашего Правления, честь имею Вас уведомить, что речь об уступке Вашему Обществу к занятиям нами дат (27 ноября и 11 декабря 1910) может быть решен в окончательном смысле лишь в заседании Правления МФО, которое ожидается в понедельник 22 сего февраля. Пока же я хочу Вам лишь сообщить, что уступка 2 дней является для нашего Общества почти что невозможной, т. к. для нас тогда осталось бы в ноябре и в декабре лишь по одному дню для концертов (т. е. 6 ноября и 7 декабря), и это, ввиду того, что по сложив-

шимся обстоятельствам, мы кроме суббот никаких других дней выбрать не можем, мне кажется совершенно невозможно. Я думаю, нам бы скорее удалось договориться, если бы Ваше Общество помирилось на каком-нибудь одном из этих двух дней, лучше всего на 27 ноября, тогда нам, может быть, удалось бы как-нибудь устроиться в субботу 20 ноября 1910.

Примите и проч.

Секретарь Правления МФО

Юлий Осберг»¹⁸.

Впоследствии, очевидно, всё же МФО пошло навстречу, ибо 4-е и 5-е симфонические собрания МО ИРМО состоялись именно 27 ноября и 11 декабря. Но без Казальса. Казальс играет в Москве осенью 1910 года только в концертах МФО: 30 ноября (по старому стилю) — в III симфоническом концерте (Виолончельный концерт Р. Шумана, «Мелодия» и «Песнь Менестреля» А. К. Глазунова с оркестром п/у А. И. Зилоти) [3]. «Солировал бесподобный Пабло Казальс, взявший скучноватый концерт Шумана и красивые пьесы Глазунова („Мелодия“ и „Песни менестреля“). На неизбежный бис он играл Баха», — писал в «Русской музыкальной газете» Гр. Прокофьев¹⁹. 2 декабря (по старому стилю) вместе с Зилоти Казальс также выступил в камерном вечере Филармонического общества (Сюита для виолончели соло И. С. Баха, виолончельные сонаты Э. Грига, А. Г. Рубинштейна, «Соната-баллада» М. Гнесина) [3]. Ту же программу Казальс повторил затем 5 декабря (по старому стилю) в 4-м камерном вечере у Зилоти в Петербурге [3].

Добавление Сонаты-баллады Гнесина вызвало «тяжёлые протесты публики»²⁰. Но отметим *a propos* последовательную пропаганду испанским виолончелистом произведений новой русской музыки — думается, с подачи Зилоти. Тот же рецензент по поводу концерта в Москве отмечал: «Играли они [Казальс и Зилоти] отлично, но только звуки виолончели г. Казальса бесследно расплывались в Большом зале Благородного собрания. Г. Зилоти играл довольно громко, мало считаясь со своим партнёром, и поэтому свои *solì* г. Казальс должен был фор-

сировать, что оставляло невыгодное впечатление»²¹.

Несмотря на случившийся казус в отношениях с Дирекцией МО ИРМО Казальс пытается «сохранить лицо». В уже упомянутом письме Померанцеву от 19 марта 1910 года он выражает надежду, что при более благоприятных обстоятельствах сможет принять приглашение Общества²². Очевидно, в МО ИРМО также были не против. Через год переписка возобновилась. В письме от 19 апреля 1911 года (по новому стилю) Казальс просит назначить даты будущих выступлений²³. Дирекция МО ИРМО предоставила ему на выбор несколько дат, однако они музыканта не устроили²⁴.

Больше Казальс в концертах МО ИРМО не выступал. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что в 1911 году Казальс вовсе в Россию не приезжал. Зато в 1912 он участвовал исключительно в концертах, организуемых Зилоти, а в 1913-м — 14 декабря по старому стилю — сыграл два концерта, утренний и вечерний, в рамках 3-го симфонического собрания с оркестром под управлением Рахманинова (К. Сен-Санс. Концерт для виолончели с оркестром ор. 33, П. И. Чайковский. «Тема с вариациями» из Оркестровой сюиты № 3) [3].

Несколько отступая от темы организации выступлений Казальса, кратко коснёмся подробностей ещё одного ангажемента МО ИРМО с прославленным зарубежным артистом — а именно с пианистом Альфредом Корто. Корто к тому времени уже несколько лет выступал в составе трио совместно с Ж. Тибо и П. Казальсом, так что музыканты были хорошо знакомы и, по-видимому, некоторые подробности ангажемента Казальса Корто мог знать. Необходимость согласования гастрольного графика с Зилоти фигурирует и тут. Однако, в отличие от Казальса, всё решилось, к счастью, к всеобщему удовлетворению.

Переписка велась с 30 января 1911 года, когда Корто просит назначить ему дату выступления в Москве на 30 декабря по новому стилю, поскольку через своего друга Казадезюса

(имеется в виду, скорее всего, пианист Франсуа Казадезюс) уже имеет договорённость с Зилоти на декабрь и таким образом всё равно едет в Россию²⁵. По-видимому, в Дирекции МО ИРМО ему предлагали ноябрь, но в письме от 2 февраля (по новому стилю) Корто настаивает на дате в декабре²⁶. Однако через два месяца, 2 апреля (по новому стилю) Корто сообщает Померанцеву, что дата его выступления в Петербурге изменена и он вполне может выступить в Москве 12/25 ноября²⁷. 8/21 мая он предлагает программу: Концерт Шумана или Четвёртый концерт Сен-Санса, но для дебюта в Москве более предпочтительны будут «Симфонические вариации» Франка²⁸. Вскоре вопрос о датах вновь встал на повестке дня, и опять в связи с концертами Зилоти. В не датированном письме Корто оставляет в силе назначенную дату 17/25 ноября, но просит зарезервировать для него ещё и 7/20 февраля — потому что он должен спросить у Зилоти, который назначил ему концерт 23 декабря по французскому (то есть новому) стилю: нет ли у него предложений на ноябрь или февраль²⁹. Наконец, 13/26 октября Корто окончательно согласовывает дату 17/25 ноября и программу: 1. Концерт Шумана. 2. Симфонические вариации Франка. Также он спрашивает, сколько у него будет часов на репетиции³⁰. Письмом от 19 ноября / 2 декабря Корто сообщает, что он прибывает вместе с женой «Северным экспрессом» и предполагает остановиться в «Национале», где просит Померанцева зарезервировать для него двухместный номер, а Дидерихса — предоставить ему туда кабинетный рояль Бехштейна³¹.

Наряду с Казальсом и Корто, Московское отделение ИРМО в эти годы вело деловую переписку и с другими музыкантами, например, с пианистом Ф. Ламондом. Но, как мы видим, переговоры Ю. Н. Померанцева и в его лице Дирекции Московского отделения с Пабло Казальсом на выступления в сезон 1910/11 года, очевидно, оказались самыми сложными и в итоге безрезультатными. Причиной, как представляется, послужила не столько конкурентная борьба между МФО и МО ИРМО,

сколько осложнившиеся по какой-то причине персональные отношения А. И. Зилоти с Московской дирекцией ИРМО, которые действовали почему-то именно в отношении Казальса. Если внимательно проследить даты предполагаемых и состоявшихся выступлений Казальса, то станет очевидно, что гипотетически они все могли быть согласованы. Тем более, что МФО очевидно пошло навстречу своему конкуренту. Скорее всего, дело именно в персональной ревности Зилоти: создаётся впечатление, что Александр Ильич в то время хотел, чтобы Казальс в России играл только с ним и у него. Это тем более странно, что ещё год назад Зилоти активно сотрудничал с Дирекцией МО ИРМО, очень часто выступая посредником в переговорах с иностранными артистами и даже строил предварительные планы на следующий сезон, «распределяя» артистов между концертами различных организаций, и параллельно гастролям Казальса с ним удалось согласовать дату выступления Корто.

Конечно, для рядового слушателя все эти подробности устройства гастролей не являются значимыми: им важно услышать музыканта, под эгидой какой организации он бы ни выступал. Абстрактному москвичу — любителю музыки в сезон 1910/11 скорее всего всё же удалось попасть на концерт Казальса, пусть и в МФО (хотя членам РМО в Москве было, конечно, обидно за «отставание» своего общества, на концерты которого они купили достаточно дорогие абонементы, не говоря уже о том, насколько увеличилось бы число счастливчиков, услышавших великого виолончелиста, если бы Казальс дал не один-два, а три-четыре концерта). Однако для музыковеда-историка существенна проблематика, которая открывается за этим, казалось бы, частным случаем: она выводит на более широкое исследовательское поле — поле отечественной музыкальной жизни в аспекте истории концертного менеджмента.

Примечания

- 1 В фондах РНММ сохранилась обширная переписка Сафонова с зарубежными корреспондентами, которая была частично опубликована в изд.: [1].
- 2 В последние несколько лет автором настоящей статьи были предприняты некоторые усилия по актуализации научного интереса к Ю. Н. Померанцеву, вследствие чего подготовлен ряд докладов на конференциях в Московской консерватории. К настоящему моменту опубликована следующая статья: [7].
- 3 Некоторые письма кратко пересказаны в изд.: [5].
- 4 Открытое письмо А. И. Зилоти в Дирекцию МО ИРМО от 15/28 марта 1909 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2464.
- 5 Письмо А. И. Зилоти в Дирекцию МО ИРМО от 13/26 апреля 1909 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2467.
- 6 Письмо А. И. Зилоти в Дирекцию МО ИРМО от 4/17 июня 1909 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2474. Двойные даты приводятся соответственно старому/новому стилям. В остальных случаях датировка обговаривается в тексте. Иногда в цитатах встречается словосочетание «русский», «французский» стиль. Они соответствуют старому/новому стилю.
- 7 Письмо П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 15 декабря 1909 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2572.
- 8 Гр. Пр-въ. Московские концерты // РМГ. — 1910. — № 3. — Стб. 85–87.
- 9 Г. Ч. Театр и музыка // Московские ведомости. — 1910. — 5 января. — № 3. — С. 4.
- 10 Ю. Э. [Ю. Энгель]. Театр и музыка // Русские ведомости. — 1910. — 5 января. — № 3. — С. 4.
- 11 Письмо П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 11 февраля 1910 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2574.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Письмо П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 18 февраля 1910 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2575.
- 15 Телеграмма П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 25 февраля 1910 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2576.
- 16 Телеграмма П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 6 марта 1910 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2577.
- 17 Письмо П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 19 марта 1910 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2578.
- 18 Письмо из Правления МФО в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 16 февраля 1910 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2131.
- 19 Гр. Пр. Москва. Концерты // РМГ. — 1910. — № 51–52. — Стб. 1172–1174. Стб. 1173.
- 20 Там же. Стб. 1174.
- 21 Гр. Пр. Москва. Концерты // РМГ. — 1910. — № 50. — Стб. 1139–1143. Стб. 1142.
- 22 Письмо П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 19 марта 1910 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2578.
- 23 Письмо П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 19 марта 1911 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2579.
- 24 Письмо П. Казальса в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 13 мая 1911 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2580.
- 25 Письмо А. Корто в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 30 января 1911 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2584.
- 26 Письмо А. Корто в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 2 февраля 1911 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2585.
- 27 Письмо А. Корто в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 2 апреля 1911 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2586.
- 28 Письмо А. Корто в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 8 мая 1911 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2587.

- ²⁹ Письмо А. Корто в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву). Б.д. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2588.
- ³⁰ Письмо А. Корто в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 13 октября 1911 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2589.
- ³¹ Письмо А. Корто в Дирекцию МО ИРМО (Ю. Н. Померанцеву) от 19 ноября 1911 года. РНММ. Ф. 80. Русское музыкальное общество. № 2590.

Список литературы

References

1. *Василий Сафонов*. Избранное: «Давайте переписываться с американской быстро-тою...»: Переписка 1880–1905 годов. — СПб., 2011. — 760 с. [*Vasily Safonov*. Izbrannoye: «Davayte perepisyvat'sya s amerikanskoj bystrotoyu...»: Perepiska 1880–1905 godov. — SPb., 2011. — 760 s.].
2. *Горобец С. В.* Обзор репертуара «Концертов А. Зилоти» (к 70-летию со дня смерти пианиста) // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. — 2015. — № 3 (38). — С. 53–59 [*Gorobets S. V.* Obzor repertuara «Kontsertov A. Ziloti» (k 70-letiyu so dnya smerti pianista) // Aktual'nyye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya. — 2015. — № 3 (38). — S. 53–59].
3. Концертная жизнь Петербурга и Москвы // История русской музыки: в 10 т. / Гл. ред. Ю. Н. Келдыш. Т. 10Б: 1890–1917 годы. — М.: Музыка, 2011. — С. 577–964 [*Kontsertnaya zhizn' Peterburga i Moskvy* // Istoriya russkoy muzyki: v 10 t. / Gl. red. Yu. N. Keldysh. T. 10B: 1890–1917 gody. — M.: Muzyka, 2011. — S. 577–964].
4. *Мальцева Е. Г.* Александр Ильич Зилоти: пианист, педагог, организатор концертной жизни: Дис. ... канд. искусствоведения. — Ростов-на-Дону, 2014. — 434 с. [*Mal'tseva Ye. G.* Aleksandr Il'ich Ziloti: pianist, pedagog, organizator kontsertnoy zhizni: Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. — Rostov-na-Donu, 2014. — 434 s.].
5. Письма зарубежных музыкантов XIX–XX веков. Из фондов Музея музыкальной культуры: аннотированный каталог / Сост. Н. С. Востокова, К. Н. Игнатьева; науч. ред. М. В. Есипова. — М. [б. и.], 2002. — 436 с. (Труды ГЦММК им. М. И. Глинки) [*Pis'ma zarubezhnykh muzykantov XIX–XX vekov*. Iz fondov Muzeya muzykal'noy kul'tury: annotirovannyy katalog / Sost. N. S. Vostokova, K. N. Ignat'yeva; nauch. red. M. V. Yesipova. — M. [b. i.], 2002. — 436 s. (Trudy GTSMMK im. M. I. Glinki)].
6. Радости и печали. Размышления Пабло Казальса, переданные им Альберту Кану. — М.: Прогресс, 1977. — 231 с. [*Radosti i pechali. Razmyshleniya Pablo Kazal'sa, peredannyye im Al'bertu Kanu*. — M.: Progress, 1977. — 231 s.].
7. *Шабшаевич Е. М.* Ю. Н. Померанцев — ученик Танеева и Скрябина // Танеев и Скрябин. Учитель и ученик: Сб. статей по материалам международной науч. конф. к 150-летию Моск. гос. консерватории им. П. И. Чайковского / Ред. И. А. Скворцова, Н. Д. Свиридовская, Е. Е. Потяркина. — М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2018. — С. 258–277 [*Shabshayevich Ye. M.* Yu. N. Pomerantsev — uchenik Taneyeva i Skryabina // Taneyev i Skryabin. Uchitel' i uchenik: Sb. statey po materialam mezhdunarodnoy nauch. konf. k 150-letiyu Mosk. gos. konservatorii im. P. I. Chaykovskogo / Red. I. A. Skvortsova, N. D. Sviridovskaya, Ye. Ye. Potyarkina. — M.: Nauchno-izdatel'skiy tsentr «Moskovskaya konservatoriya», 2018. — S. 258–277].